

A movie poster featuring a woman in a black dress in the background and a man in a green military cap in the foreground. The background is a lush, mossy forest with a waterfall. The text is in a stylized, hand-drawn font.

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

МОЯ. Я ТАК РЕШИЛ.

Мария Зайцева

Моя. Я так решил

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67983029

2022

Аннотация

– Уходи. Я разберусь без тебя, – Эвита смотрит своими чистыми, ангельскими глазами, и никогда не скажешь, какой дьяволенок скрывается за этими нежными озерами. Упертый дьяволенок.

– И с этим? – киваю на плоский живот, и Эва машинально прижимает руку к нему. А я сжимаю зубы, вспоминая точно такой же жест... Другой женщины.

– И с этим.

Упрямая зараза.

– Нет. – Стараюсь говорить ровно, размеренно, так, чтоб сразу дошло. – Ты – моя. Он, – киваю на живот, – мой. Решать буду я.

– Да с чего ты взял, что я – твоя? – шипит она, показывая свою истинную натуру. И это мне нравится больше невинной ангельской внешности. Торкает сильнее.

Потому и отвечаю коротко:

– Моя. Я так решил.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Зайцева

Моя. Я так решил

Глава 1

Однажды, в далекой-далекой галактике...

– И какого хера ты там забыл?

Рожа Егеря, и без того не особо приветливая, с экрана выглядит совершенно монстрячей. Злобный такой небритый зверюга, не помещающийся в камеру. Голос тоже доставляет.

Знал бы его чуть хуже или меньше лет...

Но я знаю этого скота достаточно, чтоб понять, что сейчас он не угрожает, хотя кажется вообще по-другому.

Сейчас он проявляет заботу.

Ага, заботливая сволочь. Он, и приятель его... Забрали у меня единственную подругу, а теперь волнуются. Или вид делают.

Не исключено, что это Маша моя их пнула.

Моя. Что бы там ни придумывали эти утырки.

Я ее с универа знаю, и люблю с универа тоже. Все момента ждал, прикидывал... Лох. Думал, мое от меня не уйдет.

А оно ушло... Она. Ушла. Вернее, ее подло украли два наглых скота. И, мало того, что украли, так еще и в Канаду увезли, не иначе, чтоб подальше от меня была.

Ну и ребенка сделали для закрепления результата. Детей, вернее. Второй пока что в животе, а вот первый... Первый – смешной и дико похожий на Егеря Сашка, мой крестник, между прочим, уже ходит. Пока что пешком под стол, но коньки на него уже напялили. И клюшку, изготовленную по спецзаказу, в руки дали. И он, главное, на ровном полу падающий пока, по льду прям поскользил. И клюшку вполне осознанно ставил, правильно. Гены, чтоб их...

Я это все видел в записи, постоянно перекручивая с довольных до тошноты физиономий моих приятелей на смешную рожицу крестника и радостное, такое красивое лицо его мамы, Насти, которую я всегда буду звать Маша, что бы по этому поводу ни думали два ее мужика.

Да, моя первая любовь срулила не просто так, она пошла с козырей, умудрившись свести с ума сразу двоих. Нет, в том, что она запросто сведет с ума и большее количество мужчин, я вообще никогда не сомневался. Она такая, моя Маша... Но тут произошла накладка. Мужики, вместо того, чтоб драться и выяснять, кто из них доминирующий самец, взяли и договорились. И забрали мою Машу себе.

Скоты, чего уж там.

Дешевое пойло в бокале заканчивается подозрительно быстро, а мозг, отравленный вечным сожалением и воспоминаниями о нашей дружбе с Машей и моих упущенных возможностях, требует еще.

В гробанном шалмане нет официантов, по крайней мере,

найти их мне не удалось, потому приходится вставать.

Смотрю в экран, на рожу своего бывшего друга... Верней... Верней, и настоящего друга. Хоть и скота.

– Ты где вообще? – рычит он, и словно мордой пытается вылезти из экрана и осмотреться, оценить, так сказать, обстановку.

– Где-где... – пьяный мозг генерирует рифму, но все же не выдаю ее, – Масю мне дай.

– Она Сашку купает, – отвечает Егерь, – вместе с Котом. Кот – это, чтоб вы знали, второй участник нашей веселухи. Верней... Третий? Ну да. Их трое. Верней, уже четверо. И скоро пятеро будет... Им хорошо. А я, сука, вне орбиты...

Становится горько. Какой-то латинос, хотя, они тут все латиносы, на одну рожу, толкает в плечо. Что-то говорит по своему. Слышу знакомое «мадре», понимаю, что меня послали. А меня нельзя посылать, когда я немного выпивший, потому что сразу становится грустно, печально даже. А печаль я привык развеивать, чтоб не накапливалась слишком обильно.

Разворачиваюсь и коротко бью кулаком, развеивая русскую печаль по усатой испанской роже.

Отлетает с воплем и соплями, роняя по пути ветхие столики.

Смотрю какое-то время, потирая костяшки и ожидая знаменитой испанской мести. Сейчас бы не помешало... Размяться для разнообразия. Вытрясти из башки мысли тупые.

Но латинос вяло ворочается между обломков столов, и никто особо на его проклятия не реагирует. И мстить мне не торопится. Печально. Но ладно. Пляшем дальше.

– Ты че там творишь? – опять рычит с экрана Егерь.

Черт... А чего это я его не отключил?

Смотрю опять на физиономию, скалюсь:

– Развлекаюсь. Имею право. Холостой, веселый...

– Конь, прекращай там! Ты знаешь, какая преступность в Аргентине? Ты – белый, тебя там разуют прямо в том клоповнике, где ты пьешь!

– Нахер иди, а?

Я добираюсь, наконец, до барной стойки, ору на английский-ском:

– Виски, плиз!

В прошлый раз я тоже заказывал виски и получил невнятную, но забористую хрень. Надеюсь, в этот раз будет не слабее. Меня тянет надраться, когда вижу на экране довольную рожу Егеря или Кота. Каждый раз тянет. И да, я давно перестал с собой бороться в этом вопросе.

Организм требует, значит надо!

Получаю от черномазого в прямом смысле, то есть грязного до черноты, бармена еще выпивки. Прицениваюсь к объему под надоедливый бубнеж Егеря, расписывающий мне, какие неприятности ждут белого парня в Байресе, как местные называют столицу Аргентины, Буэнос-Айрес.

– Тебе-то откуда знать, праведник чертов?

От самого определения Егеря, как праведника, становится тошно. Какой он, ко всем херам, праведник??? Он – скот, и больше ничего...

– Я там был, – нехотя признается Егерь, а я в изумлении отставляю стакан в сторону и плююсь в экран телефона.

Егерь вообще не похож на искателя приключений. Обычный здоровенный монстрятина, только и умеющий, что противников по ледовому побоищу о борта швырять... И что в нем Маша...

Силой воли заставляю себя не погружаться в привычный бред про упущенные возможности, а тут ничего не попишешь, ради справедливости надо сказать, что сам упустил. Сам. Все думал, что успеется... Это же моя Маша... А она – раз – и уже не моя. Уже чужая Маша. И детей рождает другим мужикам.

– Где? В Вишье?

– Ты в Вишье??? Идиота кусок! – Егерь уже не сдерживается, орет, привлекая ко мне слишком много постороннего внимания, – вали оттуда! Как ты еще живой?

– Да нормально тут, – оглядываюсь с недоумением. Ну слышал я в «Шератоне», где с комфортом разместился сутки назад, о том, что фавелы, простирающиеся прямо перед окнами аж до горизонта, которые в народе называют «Вишья 31» и не обозначают ни на одних картах Байреса, являются самым опасным местом в городе. Да и во всей Аргентине. И что знаменитым бразильским фавелам они дадут прикурить,

и не раз.

Слышал, но в тот момент мне было насрать на все. Организм после многочасового перелета еще не адаптировался к местным условиям, а привык я его адаптировать стабильным повышением градуса.

Сначала в этом помог бар «Шератона», но там было слишком благопристойно, и на быстро ужравшегося русского, разодетого в полувоенную форму, смотрели косо. Настолько косо, что кулаки чесались. А недостаточный градус указывал, что скоро я догонюсь и вполне захочу почесать их.

И тогда мой внезапный отпуск в далекую, как можно дальше и от России и от Канады, где сейчас жила моя Маша, страну с теплым климатом и доступными бабами, превратится в экскурсию по местным тюрьмам. А это дело нихера не радостное. За границей с комфортом можно сидеть только в европейских странах. Там тебе и душ, и чистота, и телевизор... Сиди – не хочу. А вот в странах арабских и Латинской Америки – это такое себе приключение. Квест, можно сказать.

Так что я от греха решил прогуляться... И догулял сюда. До маленького барчика, задымленного не по-европейски, в хлам, с заунывными мелодиями, хриплыми голосами и многообещающими взглядами. Все это вселяло надежду на развлечение в скором будущем, а сама репутация района гарантировала, что в жандармерию меня никто не сдаст. Нет тут, на территории Вижи, жандармов. Боятся они сюда ез-

дить. Примерно, как у нас в Южное Бутово ночью. Хотя, любой спальный район провинциального миллионника даст фору и Южному Бутово, и, уж тем более, каким-то аргентинским фавелам... Хотя бы потому, что тут тепло. А у нас в стране – холод сейчас собачий.

Егерь все бубнит, ругает меня, кажется, матерно даже, а я пользуюсь моментом и опрокидываю еще бокал забористого пойла местного производства. Пятый или шестой по счету, он заходит хорошо. Широкой прям дорогой.

Сзади меня шепоток и спешно образующееся пространство.

О, да-а-а...

Предвкушение заставляет губы разъехаться в усмешке. Разворачиваюсь, натягиваю пониже матерчатый козырек кепки полувоенного образца. Знаю, что выгляжу я, несмотря на то, что белый, опасно. Не зря же местные так долго примеривались.

Напротив стоит тот самый придурок, который меня материл по-своему. И которого я за это наказал немного.

Он притащил приятелей, и теперь они группой поддержки маячат позади. Морды у всех уголовные, дегенеративные. Как и моя, наверно, с двухсуточной небритостью и жутким оскалом.

Самое оно, чтоб драться в аргентинских фавелах. Конечно, здесь можно и нож в печень схлопотать... Но с некоторых пор мне на многое похер.

– Конь!!! – телефон с воющим Егерем не отключаю почему-то. Просто засовываю в боковой карман карго. И вот так, с полуприседа, не распрямляясь, лечу головой вперед, сходу сбивая с ног не только главного обижульку, но и сразу загребая парочку его приятелей. Крик, вопли, мат на испанском, звучащий, как музыка, рычание зверей... зверя. Я рычу, что ли? Да вообще...

Пару раз наугад в свалке всеобщей бью по чему-то мягко-му, неожиданно тонко, по-свинячьи верещащему, и отпрыгиваю.

Тело, порядком замученное за последние два года беспробудным пьянством, разбавляемым крохами разврата, все же помнит основные моменты, не подводит.

Разглядываю кучу малу на полу, усмехаюсь и, бормоча назидательно: «Внезапность и натиск, как говорил Суворов...», топаю обратно к стойке.

Приказываю бармену:

– Виски, плиз.

Достаю из кармана телефон. И замираю, разом растеряв всю бравату. Там уже, вместо Егеря, на меня хмуро смотрит... Маша.

Красивая, с красными щеками, распаренная после ванной. За ее спиной ходит полуголый татуированный громила, Кот, второй мой бывший... ой, да хер с ним, настоящий... друг. И еще один мужик Маша. Мимолетно вспоминается скандалище по этому поводу в российских сми. «Разврат!

Непотребство!» И подробное смакование личной жизни всех участников необычного для наших широт и менталитета союза.

Хорошо, все же, что они уехали.

В Канаде к этому проще относятся...

Кот таскает на руках голенького годовалого пацана, щеко-чет его по пузу.

А я неожиданно пьяно залипаю на этой картине. Маша открывает рот, что-то говорит, а я не могу отвести взгляда от своего приятеля с ребенком на руках.

Это мог бы быть я. И ребенок мог бы быть мой.

Маленький, толстенький. Нетвердо еще держащийся на пухлых ножках и предпочитающий везде передвигаться ползком. Вкусно пахнущий.

Это не Кот и не Егерь, а я мог бы его купать, таскать на руках, напяливать малюсенькую хоккейную форму, заказывать хоккейную клюшку... И в еле заметном пока животе Маша мог бы быть мой ребенок. Второй. Девочка, возможно. Похожая на Машу. С ее огромными глазами, тонкими чертами лица, темными волосами. Такая же улыбчивая и смешливая...

Понимание, что все, абсолютно все, сука, в моей жизни могло бы быть, если бы не был самоуверенным дураком, бьет в очередной раз настолько больно, что не могу дышать. Реально задыхаюсь от происходящего.

Смотрю на свою Машу, что-то строго выговаривающую мне, и думаю, настолько тупым я был мудаком. И почему так

поздно, непростительно поздно понял, что на самом деле, она не подруга мне, не боевой товарищ... А совсем другое. Совсем...

– Борюсь! Ты меня слушаешь вообще? – возвращает к реальности голос Маси.

– Ты красивая такая, – отвечаю невпопад и тут же прикусываю губу. Не надо опять...

– Конь, – тут же рывкает голос Егеря, – не зарывайся!

Понятно, хоть и вне зоны видимости, но бдит. Они оба, и Егерь, он же Матвей Егерский, он же «Железный человек», тафгай, «Человек-гора» и много других определений, которыми его награждает регулярно канадская пресса, и Кот, он же Ярослав Котов, «Снайпер», «Золотая клюшка» и прочее, прочее, прочее, когда дело касается их женщины, становятся совершенно неуправляемыми ревнивыми придурками. Невыносимыми и подозрительными к любому мужику, появляющемуся на орбите Маси. Не так давно приревновали к массажисту Сашки. Напугали парня до усрачки. Спасло его только то, что геем оказался...

Меня они терпят.

Вынуждены.

Прекрасно знают о моем отношении к их женщине, злятся, ревнуют, бесятся. Но сделать ничего не могут.

В свое время я им нехило помог, хотя, естественно, сделал это не столько для них, сколько для моей Маси.

И вот теперь...

Теперь я у них что-то вроде домашнего питомца. И не нравится, и проблем доставляет много... И никуда не денешь, мы в ответе за тех, кого приручили... Приходится терпеть...

– Тебе идет беременность, – продолжаю я, игнорируя недовольное рычание Егеря, – сказали, кто будет?

– Да, – она светло улыбается, и сердце у меня останавливается от этой улыбки. А еще – от того, как она руку на живот кладет, – мальчик...

– Поздравляю...

– Спасибо, Борь, – серьёзно кивает она и продолжает, – уходи оттуда, пожалуйста. Я переживаю за тебя. Я... Мне будет очень тревожно, если ты... там задержишься...

Вот никого не послушал бы. Любого бы нахер послал. А ее – не могу. Она беременная. Ей нельзя волноваться.

– Хорошо, Мась, – киваю серьёзно, – сейчас допью и пойду.

– Спасибо, Борюсь, – улыбается она снова, и у меня перед глазами все плывет.

Отключаюсь, пытаюсь проморгаться, не получается...

Черт, похоже, надрался все же...

Затем в голове становится совсем тяжко. Словно в кисель ее опускаю.

И наступает темнота.

В себя прихожу от яркого солнечного света, прицельно бьющего прямо в глаза, и это больно.

Во рту – погано настолько, насколько может быть, если

переберешь мерзкого пойла на голодный желудок.

И что-то сильно беспокоит. Кроме тошноты, головной боли и рези в глазах. Эти-то ощущения вполне знакомы, они нихера не беспокоят...

Нет. Что-то еще...

Кто-то меня касается осторожно. Трогает. За лицо...

Черт, да чего такое-то?

Кошка, что ли, трется?

Приоткрываю один глаз, голову тут же простреливает дичайшей болью, от которой чуть опять в обморок не грохаюсь.

Но тихий умоляющий голос:

– Не спи, ну пожалуйста... Не спи... – заставляет все же удержаться на поверхности.

С трудом сглатываю горький сухой комок в горле, от которого чуть было не начинает выворачивать проглоченной накануне дрянью.

Но терплю.

Надо же... Я вчера, получается, нажрался все же так, что припер в номер бабу... Надо ее выпроводить. А потом уже с белым другом всласть пообниматься. Это как-то лучше без посторонних делается. Душевнее выходит.

Слепо отмахиваюсь от назойливой руки, а уже понятно, что баба меня гладит по лицу. За каким-то хером. Может, на продолжение ночи надеется? Если да, то я вообще красавчик. Явно что-то смог, несмотря на конскую дозу спиртного...

Переваливаюсь набок, так и не раскрывая глаз. Хриплю:
– Воды дай...

Мне тут же суют под нос стакан. Почему-то железный...

Странно, но плевать.

Жадно пью теплую, мерзкую на вкус воду, от которой поднимается муть в животе и глазах.

Нихера себе, я нажрался...

Надеюсь, никого не убил...

Все остальное можно пережить...

Разлепляю чуть ли не пальцами веки, с удивлением смотрю на забранное решеткой окно. Так. Походу, мои выводы неверные в корне.

Я кого-то вчера убил. Иначе, с какого хера в тюрьге?

– Эй... – голос раздается сбоку неожиданно. Я как-то позабыл, что тут еще и баба... Откуда, бляха? Разворачиваюсь со скрипом, всем телом, не рискуя вертеть головой, чтоб не вырубиться опять, и замираю, глупо тараща воспаленные глаза.

Похоже, выводы про тюрьму тоже в корне неверные.

Потому что откуда в тюрьме взяться ангелу?

Глава 2

– Ты как?

Ангел, вполне нормально, без акцента, говорящий на русском... Достали меня, значит, ножом вчера все-таки...

Разговаривать бесполезно, да и опасно, если честно. Рот открывать страшно. Чего-то ощущение, что вода, которую только что выпил, там не приживается...

Потому сжимаю губы и киваю. Норм, то есть.

– Ну хорошо... – ангел садится ближе, несмело трогает за лицо, озабоченно хмурит четко очерченные брови, поджимает губы. Тоже красивые. Вообще, ничего такой ангел... Залипательный... Интересно, а они бесполое? Ангелы эти? Ну, в религии вроде так... Если правда, то жаль... Потеря потерь...

И о чем я сейчас думаю, интересно?

Поспешно сворачиваю мысли с ненужного совершенно направления на нужное.

Ангел касается тонкими пальцами лица, и от этого кайфово. Ловлю себя на желании подставиться, словно кот, под ласку.

Нехило шандарахнули меня, похоже...

– Ты, вроде, в порядке... Ничего не сломано... – а осмотр-то очень даже профессиональный...

– Я в больнице?

Ох, бля! Это мой голос, что ли?

Ангел отшатывается и бледнеет еще больше. Оно и неудивительно, таким утробным рыком запоздалых путников на кладбище пугать... Или зомбаков в «Ходячих» озвучивать...

Затыкаюсь, кашляю натужно, пью еще отвратной воды из железной кружки.

Ну давай, Коняшка ты гребанный, приходи в себя уже! Ежу понятно, что не в раю ты! Хотя и с ангелом, которого еще требуется разъяснить, кстати...

Между тем, получаю ответ на свой вопрос:

– Нет.

Информативно.

Ладно, сделаем усилие.

– А где?

– Не знаю.

Очень информативно.

Сажусь, отдуваюсь, с радостью ощущая, как башка перестает кружиться. Да и живот успокаивается. Вроде.

– Воды еще дай.

Ангел ползет к большому грязному ведру, стоящему в углу... камеры? Комнаты? Хлева? Скорее, последнее. Но ладно. Разъясним. На моих глазах зачерпывает кружкой из этого ведра воду и передает мне.

Ладно. Ладно. Не думаем, какие микро и не микроорганизмы водятся в этом ведре в здешнем климате. В конце кон-

цов, если чего внутри заведется, современные средства работают на раз... Спросите, откуда знаю? А вот не скажу. Тайна это моя. Тщательно оберегаемая, в глубинах памяти навсегда закопанная. Ну, а если серьезно... Как-то раз, в одной дружественной африканской стране один молодой придурастый военкор, думающий, что он – прямо суперкоммандос... А дальше – то самое. Тайна.

Выпиваю до дна, с удивлением ощущая, что желудок вполне уже смирился со своей участью, а в голове – тоже наступает прояснение. И в глазах.

Осматриваюсь.

Хлев, да, последнее предположение было верным.

Грязища, зарешеченное низкое окно, лавка вдоль стены, на ней то самое ведро. А в другом углу – второе. Вот, похоже, мне и его надо использовать... Но как быть с соседкой?

Разворачиваюсь, разглядываю ангела. И удивленно хмыкаю.

Нихера себе... Ангел.

Не, что-то такое есть, конечно, не зря же с похмелья прикидилось. Блонди, с короткими кудряшками, натуральными, по-моему, с огромными глазищами и тонкой шеей.

Лицо красивое, очень. Смотрится... Залипательно, да.

Наряд странный. Футболка серая, свободная, штаны карго серого тоже цвета, висящие на худой заднице мешковато. Кеды. Какие-то феньки на тонких запястьях.

На самом деле, с первого взгляда не отличишь – парень

симпатичный или девчонка. Плоская, длинная, может, чуть ниже меня ростом, но в любом случае, для женщины высоковата.

Пока разглядываю, она щурится насмешливо и садится на лавку.

– Если надо в туалет, вот ведро.

Ого. То есть, няшу-скромняшу не будем стоять? Уже хорошо...

Встаю, покачавшись, словно журавль на ветру, ругаюсь сквозь зубы матерно, тоже не сильно заботясь о нежных ушах Ангела. Раз сама предложила воспользоваться ведром, то уж русский народный язык как-нибудь перетерпит.

Потом возвращаюсь обратно, с удивлением ощущая себя вполне живым.

Вот поразительное существо – человек. Мало ему надо для счастья. Попить, стравить давление в организме... Умыться бы еще...

– Эй... – так, с голосом надо что-то делать все же... Или он у меня теперь навсегда такой? Как у актера Ливанова... Бля-а-а-а... Кашляю, пробую еще раз, – эй... – в этот раз выходит неожиданно тонко.

Ангел, спокойно наблюдающая за мной со скамьи, приподнимает бровь, удивляясь метаморфозам моего голоса. Это еще что, малыш, ты не слышала, как дядя Боря умеет петь... Пожалуй, хорошо, что не слышала... Целее нервы будут...

– Та-а-ак... – это слово выходит вполне нормальным, кстати. Может, просто не стоит начинать с гласных букв? – Тебя как зовут?

– Ева...

– Ева... Евита... Эвита... Ты в курсе, что так звали жену президента Аргентины? – с каждым произнесенным словом голос становится все лучше. Практика – наше все, однако.

– Не-е-ет...

Голова внезапно кружится, и я падаю рядом с Эвитой на лавку. Выдыхаю шумно.

Бля, вот всегда я, даже в самой тупой ситуации умудряюсь нести отвлеченную хрень. Маша называет это «словесное недержание на нервной почве»... Судя по тому, что чуть было не начал просветительский блог из истории Аргентины, нервничаю я сильно.

Вовремя торможу себя, просто смотрю искоса на Эвиту и бормочу:

– Потерянное, блять, поколение... Тебе хоть восемнадцать есть?

– Есть, – шмыгает она, а огромные голубые глаза неожиданно наполняются слезами. Прямо, озера Канады... Чтоб она сгорела, сука... Но только после того, как моя Маша вернется обратно к родным березкам. И ко мне. Хрен с ним, пусть с мелкими, я их буду любить... Они же от Машы...

Осознав, что все еще порядком пьян, раз в башке такой бред бредовый крутится, тоскливо вздыхаю. Ладно. Не ко

времени уныние. Надо выяснить ситуацию. И из нее выбраться. И доползти до «Шератона». И спать. Ноги моей больше в этих гребанных фавелах...

– Как ты здесь очутилась, Эвита?

– Я... – она горестно шмыгает носом, – я... По контракту приехала...

– По какому еще, бля, контракту?

Хотя, тут она может не говорить. Стандартная история. Ничего нового не услышу.

Но молчу, даю высказаться. Может, все-таки, что-то цепанет... Ну и про себя тоже интересно выяснить... Как-то же я тут оказался?

– По которому танцовщиц набирают...

Да, ничего нового... Зря надеялся.

– А я как сюда попал?

– Тебя сегодня ночью притащили... Те же люди, что меня... Сюда...

– Что говорили?

– Не знаю... Я не понимаю испанский...

– А как ты контракт подписывала-то?

– Он на русском был...

– Бля.

– Я же не знала! – неожиданно с обидой повышает она голос, – я не думала! Меня... девочка пригласила, мы вместе выступали раньше! На спортивных танцах! Она говорила, что все легально, будут селить вместе, охранять, возить

на работу, следить, чтоб никто ничего...

– Ну, практически, и не соврала...

– А они... паспорт... и вообще...

– Ясно. Ну что, Эвита, ждем развития событий тогда? – я усмехаюсь и неожиданно обнимаю ее за костлявые плечи, прижимаю к себе, утешая, – ничего... – глажу по спине, слушаю, как она всхлипывает мне в футболку, – ничего... Прорвемся, да? Главное, выяснить, на кой хер им я...

– А я? – хлопает она носом.

– Ну, а про тебя и так все ясно, Эвита ты глупая...

– Будут... заставлять...

– Будут, – вздыхаю я, – удивительно, что до сих пор не заставили... Или...

Она напрягается в моих руках, потом отрицательно водит носом по футболке.

– Нет... Я кусалась... Они меня назвали... как это... «гатито». И кинули сюда.

– Гатито? Ну, в принципе... Может, и так...

– А что это такое?

– Гатито – это котенок по испански. Значит, покупателя ищут. Который таких «гатито» любит. Или того, кто таким «гатито» когти вырвет...

Она крупно вздрагивает в моих руках, сопит жалобно. А я неожиданно сжимаю тонкие плечи сильнее и понимаю, что ее отсюда заберут только через мой труп. А, значит, с серьезными потерями...

Почему-то именно это ощущение доверчиво жмущейся ко мне Эвиты, дарит блаженное долгожданное спокойствие всему телу.

Нет, я по-прежнему очень усталый, пьяный и охерительно хуево себя ощущающий. Но это все – фон.

Главное, что внутри все спокойно. Так спокойно, как давным-давно не было...

Звук открываемой двери звучит неожиданно жестко.

Эвита вздрагивает в моих руках, а я разворачиваюсь, сразу закрывая ее спиной от взглядов вошедших...

Три мужика, которые заходят в комнату, вообще никак не отличаются от кучи тех, кого я видел еще вчера днем, в фавелах, и вообще, на улицах Байреса.

Только грязнее, наверно. И вонючее. Двое из них в такой же, как и у меня, полувоенной одежде, еще один – в цветной рубашке и золотых зубах.

Они осматривают нас, спокойно переговариваясь, словно скотину на рынке, того и гляди, зубы прикажут показать.

Я особо в испанском не рублю, но слова «мучачас», «клиенте» и «динеро пор аделантадо» вполне понятны.

Эвиту мою продали. И бабки уже получили. Суки.

– Так, Эва, – тихо командую я, – свали в окно.

– Не-е-е... – шепчет она, наоборот, вжимаясь в мою спину и всхлипывая, – я с тобой...

– Пошла! – рычу уже я, – мешаешь!

И встаю, улыбаясь грязным тварям и одновременно отпи-

живая Эвиту рукой в сторону окна.

– Хола... – здороваюсь я радостно, – комо эстас?

Судя по рожам, парни жутко удивлены, что гринго спрашивает комо у них эстас. Мне это удивление прям на руку. Легонько качаюсь в сторону пришельцев, ощущаю за спиной движение. Надеюсь, Эвита послушалась меня и сейчас шустрит в район окна.

– Хабле эспаньол? – закономерно интересуются тот, что в рубашке, моими языковыми познаниями.

Ага, скорее всего, этот главный.

Начнем, помолясь?

– Нихуя, – коротко отвечаю ему, все так же радостно улыбаясь, и пока они морщат лбы, пытаюсь опознать хорошее русское слово, делаю шаг и резко бью старшего прямо в усатую рожу.

Удар у меня всегда был нормальным, на тренировках хвалили. И усатый урод сполна это ощущает своей харей. Орет и валится на пол. Остальные тоже орут, правда, как-то заторможено, судя по мерзкой вони, нехило так приложились к местной курительной смеси, наркотику, который они тут все пользуют практически круглосуточно, и начинают лапать оружие. А оружия у придурков хватает, правда, не огнестрел, что странно.

Я тоже ору и падаю, в испуге. Аккурат на старшего, нечаянно попадаю ему в горло локтем, вытаскиваю из-за пояса какую-то длинную хуйню, типа мачете, но чуть покоро-

че. Наверно, специальный нож для того, чтоб всяким гринго горло резать.

И... Мне не хватает секунды.

Буквально секунды, вот реально. Просто прихватить хрипящего и красного от нехватки воздуха старшего за горло, напугать двух оставшихся вероятностью быстрой смены командного состава, прикрыться вонючей тушкой, как щитом, и, прихватив Эвиту, свалить отсюда хотя бы на улицу. А там... Война план покажет.

В этот момент я не думаю дальше пары шагов, прекрасно понимая, что другого шанса может и не быть.

Главное сейчас – навести шорох, действуя максимально громко и быстро, а потом, пока все будут орать и бегать, раствориться в бесконечных переулках Вижи. Договариваться с утырками смысла нет, они уважают только грубую силу. Твари.

Мне не хватает секунды на исполнение моего плана.

Один из сопровождающих главаря оказывается шустрее или менее обкурившимся. Успевает двинуть ногой по моей руке с мачете и отпихнуть от босса.

Я валюсь на бок, пытаюсь успеть достать мачете до того, как до меня доберутся. Орет что-то от окна Эва, надеюсь, у нее хватит ума не соваться.

А второй утырок бьет меня ногой в живот, сразу вышибая дух.

Ну а затем уже дело техники.

Привычно закрываю все жизненно важные органы, пока меня лупят ногами, матеря по-испански, скриплю зубами, когда вытаскивают из комнаты Эвиту. Она кричит и плачет, обкладывает тварей вполне рабоче-крестьянским матом, брыкается, но затем затихает. Судя по всему, ее успокаивают оплеухой.

Бессильно закрываю ладонями голову, скручиваюсь в клубок. И переживаю. Ничего. Не прибьют до смерти. Я им нужен зачем-то. Значит, сейчас накажут и свалят. А я... А я найду выход.

Вскоре твари выдыхаются, и, еще пару раз профилактически съездив мне по ребрам, выходят, с грохотом закрывая дверь.

Лежу пару минут, восстанавливая дыхание, затем начинаю шевелиться... Так... Руки-ноги в норме. Синие, конечно, от ударов, но функционируют, это уже хорошо. Жизненно важные органы не пострадали... Опыт, сука, не пропешь... Как-то, в одной далекой и очень дружелюбной к белым африканской стране... Да ладно, хер с ним.

Выбирался и из большей жопы, так что сейчас тоже смогу. Главное, Эвиту вытащить...

Прикидываю, что со времени закрытия двери прошло минут пять-десять. Не должны успеть с ней за это время что-то сделать.

Если я верно понял их грязный испанский, то они нашли любителя на русские кусачие кости.

И этот любитель уже на месте. Эвиту потащат к нему. Но, может, помогут для начала? Или нет? В любом случае, урод этот в здании, а, значит, мне очень сильно нужно выбраться отсюда. Очень, сука, сильно...

И быстро, главное...

Чтоб Эвита не успела напугаться...

Так. Ведро. Пластиковое. И одно, и второе. Блядский век ширпотреба! Ладно, ладно.

Кружу по камере, словно зверь по клетке, взгляд мечется по стенам. Замок на двери обычный, не засов снаружи, просто ключ. И это хорошо, что они такие распиздяи, привыкшие воевать с испуганными туристами и беспомощными бабами. Хорошо.

Ремень даже не отобрали, идиоты. Отлично.

Лучше было бы, если б ведро было железным, тогда отломал бы дужку и в легкую открыл дверь. Но ничего, ремень тоже пойдет. Стаскиваю его, разглядываю язычок. Норм.

Подхожу к двери, прислушиваюсь.

Вроде, никого. Неужели, настолько наивные, что даже не выставили охрану?

Бля, латиносы, что с них возьмешь... Разболтанные до безобразия. Стоял у нас как-то неподалеку натовский гарнизон... А, ладно.

Замок открывается легко, вот только щелчок слишком громкий. Замираю, не делая попыток распахнуть дверь и

выйти. Машинально наматываю ремень на кулак.

В башке – полная ясность и гнев. Даже дышать становится легче, а ведь первую минуту после драки думал, что сломали, нахер, ребра. Но нет, обошлось.

За дверью никто не шевелится. Отлично.

Выглядываю осторожненько.

Никого.

Да они ебанулись! Даже как-то обидно...

Разворачиваюсь обратно, фиксирую ремень в кулаке, чтоб не разматывался, а второй рукой прихватываю ведро, которое не так давно использовал по прямому назначению. Пригодится.

Жаль, кепарик мой мягонький, солдатом армии одного из наиболее вероятных противников подаренный, куда-то делся... Он мне был дорог, как память.

Но ничего. Ничего.

Сейчас главное – найти Эвиту. А все остальное... Ну, война план – и так далее.

Наклоняю лицо вниз, сжимаю ведро, иду себе, спокойно, типа, по делам, а сам чутко прислушиваюсь. У них тут такой бардак, что вряд ли Эвиту утащили далеко. Я надеюсь. Потому что, если далеко... сука, могу и не успеть.

Навстречу топают двое местных, одетых, что характерно, тоже практически, как и я: в зеленые карго и майку военного образца.

Наклоняюсь еще ниже, отвожу одну руку, ту, что с рем-

нем, за спину, а вторую на расслабоне мотаю. Нет, я не думаю, что они меня пропустят, все же, рожа незнакомая. Начнут спрашивать, а я, кроме мучачо и буэнос диас – нихуя не знаю.

Потому надо просто опередить. И сделать это тихо, чтоб больше фора была для поиска Эвиты.

Парочка предсказуемо тормозит, начинает что-то спрашивать.

Я, не вступая в переговоры, резко обдаю из ведра одного из латиносов и, не дожидаясь, пока он прочихается от подарка, бью второго ногой в живот. А затем и первого, уже вполне осознавшего, чем таким едким его угостили, тоже ботинком. По роже. Он как раз удачно склоняется, растирая рожу и матерясь по своему.

В целом, получается быстро, но громко. А значит, надо торопиться. Морщась от брезгливости, обшариваю оба бесчувственных тела и разживаюсь ножами и огнестрелом. Старым, как говно мамонта, револьвером.

Не осматриваю, сую в карман, надеясь, что это дерьмо не разорвется у меня в штанах. А то как-то глупо получится...

Быстро топаю дальше, уже не шифруюсь и прислушиваясь к звукам из-за каждой двери. И за одной реально слышу тихий женский вскрик, мужской стон, а затем что-то тяжело падает.

Сука, не успел!

Оглядываюсь, никого нет.

Резко рву ручку двери на себя. Они тут не бронированные ништяки, обычное ржавое железо со свалки. И замки старые.

Этот удастся выломать мгновенно.

В полутьме вижу, как Эвита стоит на коленях и бьет ножом по неподвижно лежащему здоровенному мужику.

Движение у нее такое, жесткое, отточенное, я бы сказал.

Но, может, мне кажется, потому что она оглядывается на грохот, видит меня и роняет нож. Осматривает свои руки, затем лежащего перед ней мужика.

И шепчет:

– Убила... Я его убила...

Так, понятно, девка в трансе.

И работу за меня сделала, молоток. Вот что значит, славянка. Хер прижмешь, если не захочет.

Но времени для гордости за нацию нет, потому широко шагаю к Эвите, подхватываю ее за локти, поднимаю.

Она смотрит на меня безумными огромными глазами, и все шепчет: «Убила, убила, убила...».

Глава 3

Привожу Эвиту в чувство потрясыванием и легким шлепком по щеке. Поражённо замолкает, застывает в моих руках, приоткрыв пухлые губы. На них кровь, судя по всему, этот урод до нее все же успел добраться, прежде чем получил перо в живот. Надо бы проверить, живой или нет, но времени не хватает.

Вытираю с нижней губы кровь большим пальцем, хриплю:

– В порядке?

– Нет.

– Идти можешь?

– Да.

– Валим.

Она кивает, топает к двери, а я, не удержавшись, мародерствую.

Что было усвоено в первую очередь в далекой африканской стране, где любого белого принимали за захватчика, так это то, что на мертвецах может быть много чего нужного и интересного. Правда, на неопознанных мертвецах чаще всего бывают замаскированные взрывные устройства, но тут-то все опознанные. Потому быстро шмонаю, попутно прислушиваясь к нарастающему шуму, запикиваю все добро, без разбора, в карман. Кроме мобилы. Мобила – мой главный враг, спутники, суки, и над Аргентиной летают тоже.

За время моего мародерства Эва умудряется не только дойти до двери, но и привести себя в порядок. Разорванную до пояса майку вяжет узлом, и я не удерживаюсь, моргаю на ее впалый гладкий живот с аккуратной впадинкой пупка. Белая-белая кожа...

Так, тормози, Борюсик, тормози... Дело прежде всего. А потом... Потом и на животик можно будет глянуть попристальней.

На полу валяется широкополая мужская шляпа. Да, такой бред тут еще таскают.

Подхватываю, плюю на Эвиту. Особо не поможет, но хоть чуть-чуть... Я бы ей футболку свою тоже отдал, но полуголый гринго привлечет куда больше внимания, чем белокурая славянка. Ну, или равнозначно получится.

Так что, имеем то, что имеем.

Приоткрываю дверь. Слушаю. Гул голосов слева, как раз в той стороне я побезобразничал немного.

Значит, нам направо.

– Погнали, Эвита, – киваю девчонке, – и шустро. По сторонам не смотришь, только перед собой и вниз. Голову опускаешь. Поняла?

– Да... Но...

– Никаких но, блять! Валим!

– Но тут... могут быть еще девчонки... Я приехала с группой целой... И они все думали, что танцевать будут.

– Ну дуры, значит, как и ты. Но тебе повезло встретить

меня. Валим.

– Нет!

Так... Только этого дерьма мне и не хватало. Времени в обрез, надо убираться, а у меня тут Робин Гуд в шляпе.

Разворачиваюсь к упрямо поджавшей губы девчонке, хватаю за плечи, чуть склоняюсь. Все же, хорошо, что она такая высокая. Удобно.

– Так, слушай сюда. – Шиплю ей в лицо, злобно скалясь и постоянно слизывая с лопнувшей от удара губы кровищу, – я не смогу спасти всех. Я – не хренов Рембо! Сейчас мы уйдем отсюда. А, когда выберемся из этой сраной Вижьи, я подниму на ноги всех, кого смогу, а смогу я многих, и мы вернемся сюда. Слышишь?

– Их к тому времени...

– Найдем, значит. Все. Обещаю. Поняла?

– Да.

– Веришь?

– Да.

– Валим.

Кивает, опуская глаза.

Все, отлично. Бунт на корабле подавлен, можно выдвигаться. Если, блять, получится...

Опять выглядываю в коридор. Звуки удаляются. Похоже, меня ищут в другом коридоре. Мудаки. Но мне это так на руку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.